

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСКУССТВА · ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МОСКВА

И Ю Л Ь

1905.

ПРАВДА

Ежемесячный журнал

Отъ редакціи.

Въ № 22 „Правда“ напечатано (ст. 1821), что въ составъ „Союза русскихъ людей“, между прочими, входитъ В. А. Кожевниковъ. Въ виду поступающихъ запросовъ редакція разъясняетъ, что это лицо не есть редакторъ-издатель „Правды“ и, вообще, къ „Правдѣ“ никакого отношенія не имѣеть.

Годъ 2-й.

Въ этой книгѣ ПРАВДЫ статьи: А. Луначарскаго—„Жизнь и литература“ и А. Дивильковскаго—„Памяти А. П. Чехова“ напечатаны съ большими сокращеніями по независящимъ отъ авторовъ и редакціи причинамъ.

І Ю Л Ь
1905.

ПРАВДА

Ежемесячный журналъ

искусства

литературы

общественной

жизни.

Томъ 2-й.

Въ этой книгѣ ПРАВДЫ статьи: А. Луначарскаго—„Жизнь и литература“ и А. Дивильковскаго—„Памяти А. П. Чехова“ напечатаны съ большими сокращеніями по независящимъ отъ авторовъ и редакціи причинамъ.

І Ю Л Ь
1905.

І ю л ь 1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Ив. Бунинъ.—Стихи	1
II. П. Нилусъ.—Соловьи	2
III. А. Ѳедоровъ.—Тюрьма (стихи)	8
IV. Г. Ѳ.—Пенсія	9
V. А. Чапыгинъ.—Квартира	17
VI. И. Малыхъ.—Монголь (стихи)	26
VII. Г. Вильямъ.—Работный домъ (очерки)	27
VIII. С. Ивина.—Дѣти	43
IX. Поль Бурно.—Послѣдняя поэзія (пер. X. Алчевской)	57
X. Катюль Мендесъ.—Дьявольское изобрѣтеніе (пер. А. Коморской)	71
XI. Г. Россоломо.—Изъ дневника (съ портретомъ А. П. Чехова)	75 ✓
XII. А. Дивильновскій.—Памяти А. П. Чехова	77
XIII. Ю. Адамовичъ.—Лишніе люди	113 ✓
XIV. Н. Памятновъ.—Положеніе рабочаго класса въ Россіи (продолженіе)	145
XV. Л. Александровъ.—Изъ прошлаго періодической печати въ Германіи	165
XVI. Библиографическія замѣтки:	
В. Фриче.—«Душа Японіи».—Японскіе романы, повѣсти, рассказы, баллады и танки.—Подъ ред. и съ предисл. Н. П. Аабелева	187
В. Фриче.—С. Шибышевскій.—«Смыслъ земли»	189
А. Чеботаревская.—М. Арцибашевъ. Рассказы.—т. I. Изд. С. Скирмунта	191
Н.—Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ.—Педагогическое Общество при Московскомъ университетѣ. Труды комиссіи	193
Н. Валентиновъ.—Бельтовъ.—За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ	195
Н. Валентиновъ.—О. фонъ-Цвидинекъ Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы, въ особенности изслѣдованіе вопроса объ установленіи мѣншихъ заработной платы. Переводъ съ нѣмецкаго В. Авилова. Изданіе С. Скирмунта	199
Г.—Н. А. Скворцовъ.—Какъ животнымъ воспитывать свою дѣтвора.—Какъ помогаютъ другъ другу животныя.—Воздухъ и его дѣти. (Изд. ред. журналовъ «Дѣтское чтеніе» и «Педаг. лист.»)	202
И. Чернь.—Л. В. Новгородцевъ.—Германія и ея политическая жизнь.—Изд. тов. «Знаніе»	203
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію	207
Почтовый ящикъ	210
XVII. Павловъ.—Современныя настроенія. Среди книгъ и журналовъ. (Palante Combat pour l'individu, T. Alean)	211 ✓
XVIII. И. Гурвичъ.—Послѣдніе выборы и политика Розевелта (письмо изъ Америки)	219
XIX. Г. Симонсъ.—Союзы предпринимателей въ Соединенныхъ Штатахъ (пер. С. Я. Цейтлинъ)	223
XX. Мининъ.—Изъ походной жизни (письма съ театра войны)	233
XXI. А. Луначарскій.—Жизнь и литература	241
XXII. Внутреннее обозрѣніе:	
Черноморская эпопея.—Правительственныя сообщенія и распоряженія по дѣламъ печати	260
XXIII. Н. Гилинъ.—Замѣтки: Третья депутація.—Такъ гдѣ же земскіе начальники? О томъ, какъ были пойманы «агитаторъ» и «бумажки».—Объ одномъ замѣчательномъ открытіи	284
XXIV. Наши окраины.—Послѣднія событія на Кавказѣ	296
XXV. Объявленія	I—VI
XXVI. Арне Гарборгъ.—У мамы. Перев. съ норвежскаго Е. Морской (продолженіе)	49—72

Бельтовъ. *За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ.* Стр. 647. Ц. 3 р.

Въ наши дни замѣтно сильное охлажденіе интереса къ философіи, политической экономіи и социологіи, и все вниманіе общества фиксировалось на конкретныхъ политическихъ вопросахъ русской общественности. Несмотря на это, мы все-таки увѣрены, что читающая публика не пройдетъ мимо такого важнаго факта въ нашей литературѣ, какъ появленіе сборника статей Бельтова, имѣющаго, если можно такъ выразиться, символическое значеніе напоминая. Дѣйствительно, забудемъ на минуту яркую и опредѣлившуюся общественную атмосферу переживаемыхъ нами дней. Вспомнимъ 80-ые годы, мертвенную тишь нашей жизни, казарменное благочиніе и полное отсутствіе даже намековъ на лучшее будущее. Разбитое на-голову народничество, казалось, унесло въ могилу всѣ надежды, всѣ мечты. Проповѣдь героизма и социальной самоотверженности смѣнилась проповѣдью малыхъ дѣлъ и на испечеленной реакціей нивѣ російской общественности зацвѣла „тихомирощана“, хилыя растенія философскаго любомудрія, смиренности и Толстовскаго „непротивленія“. Ни просвѣта впереди... Катковъ вѣрно опредѣлялъ эти годы: „Господа, встаньте, правительство возвращается“... Для того, чтобы разобраться во всей этой обстановкѣ, для того, чтобы изъза темныхъ горъ увидѣть зарницу дня, для того, чтобы научно обосновать процессъ развитія русской дѣйствительности и нарисовать выдающіеся историческіе этапы въ этой эволюціи—для всего этого была нужна громадная дальнорзоркость и талантъ. Бельтовъ обладалъ всѣмъ этимъ. Чтобы дать новую теорію общественнаго развитія, Бельтову и его друзьямъ пришлось заняться труднѣйшей самокритикой, окончателно развѣнчать всѣ идола народническихъ переживаній и въ только что пробивавшихся росткахъ новой жизни увидѣть силы будущаго развитія. Если не считать Зибера, работавшаго на нѣсколько иной, болѣе удаленной отъ жизни, плоскости, у Бельтова не было предшественниковъ и тѣмъ труднѣе была предпринятая имъ работа. Въ первую голову было поставлено на разрѣшеніе то противорѣчіе, которое не могла разрѣшить народническая мысль: это вопросъ о коллективизмѣ и политической борьбѣ. Нужно было далѣе внимательно анализировать русскую общину и показать, что въ ней нѣтъ тѣхъ силъ, при помощи которыхъ наши утописты-народники хотѣли сдѣлать свой скачокъ изъ „царства необходимости“ въ „царство свободы“. На ряду со всѣмъ этимъ нужно было трезво и ясно посмотреть на развивающійся русскій капитализмъ, объяснить его, какъ необходимую и преходящую общественно-экономическую формацію и въ связи съ капиталистическимъ развитіемъ поставить развитіе идей и общественныхъ отношеній. Нужно было не только санкціонировать и признать „побѣдоносное шествіе“ капитализма (какъ это десятокъ лѣтъ спустя сдѣлали гг. Струве, Булгаковы и К^о), но и развить „идею отрицанія“, опираясь на материалистическое и діалектическое пониманіе общественной эволюціи. Но развить „идею отрицанія“ для Бельтова означало—встать на защиту того класса, который, въ силу особенностей своего общественно-экономическаго положенія,

въ процессѣ рѣшенія своихъ классовыхъ задачъ—рѣшаетъ всемірно-историческую проблему освобожденія. Все это сдѣлалъ Бельтовъ, и мы безъ преувеличенія скажемъ, что теоретическая работа 90-хъ годовъ—была лишь конкретизаціей и дальнѣйшимъ обоснованіемъ намѣченныхъ Бельтовымъ положеній. Съ одинаковымъ правомъ мы можемъ сказать, что двадцать лѣтъ еще тому назадъ Бельтовымъ предсказано появленіе переживаемой нами „весны“—со всѣми ея общественными группировками и лозунгами. Русская исторія какъ бы поставила себѣ цѣлью подтвердить вѣрность и жизненность намѣченныхъ Бельтовымъ идей и... только потому, что эти идеи соответствовали и вѣрно отражали историческій ходъ общественныхъ отношеній. Это покажется парадоксомъ, но мы скажемъ, что когда *теперь* Бельтовъ (въ предисловіи) говоритъ, что, предлагая свой сборникъ, онъ хотѣлъ бы убѣдить читателя въ правильности своихъ положеній—это звучитъ иронически. Иронически потому, что ихъ правильность настолько доказана жизнью, что принятіе этихъ положеній является уже не вопросомъ теоретическаго разума, а вопросомъ практическаго разума и социальна-психологическаго чувства. Чтобы оцѣнить историческую важность работъ Бельтова, нужно, повторяемъ, вспомнить, что все являющееся теперь „фактомъ дѣйствительности“ и „очевидной истиной, не требующей доказательствъ“ (капитализмъ, его роль, историческое значеніе класса производителей и пр.), въ 80-ые годы было ничѣмъ еще недоказанной проблемой, которую нужно было поставить и разрѣшить... Бельтовъ выполнилъ громадную теоретическую работу: только ничтожная ея часть вошла въ изданный имъ сборникъ, и русская интеллигенція, въ своемъ большинствѣ, не имѣетъ еще до сихъ поръ возможности познакомиться съ такой замѣчательной работой, какъ „Наши разногласія“. Досадно, что въ сборникъ не вошла и напечатанная въ „Научномъ Обзорніи“ статья—„Къ матеріалистическому взгляду на исторію“. Будемъ надѣяться, что все это войдетъ во 2-ой или 3-ій томъ полнаго собранія сочиненій Бельтова...

Статьи сборника о Каронинѣ, Наумовѣ, Успенскомъ, написанныя въ 80-хъ годахъ, могутъ показаться читателю немного устарѣлыми, но и онѣ (вмѣстѣ со статьями о Чернышевскомъ) безусловно будутъ полезны той части русской интеллигенціи, которая все еще продолжаетъ увлекаться реставрированными обрывками народнической теоріи. Кромѣ того, эти статьи представляютъ собою великолѣпные образцы того, насколько плодотворно примѣненіе „классовой точки зрѣнія“ въ литературной критикѣ. Особенно цѣнны въ сборникѣ талантливыя статьи о „Бѣлинскомъ и разумной дѣйствительности“, „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма“ и „Къ вопросу о роли личности въ исторіи“,--которыя мы рекомендуемъ читателю, желающему познакомиться съ основами матеріалистической социологіи, въ ея „ортодоксальномъ“, неискаженномъ „критиками“ и „критикой“ въ цѣльномъ видѣ. Нѣкоторыя формулировки этихъ статей отличаются классической выдержанностью и ясностью, и для примѣра укажемъ глубоко-философское опредѣленіе основъ „правомѣрности идеала“.

Такъ какъ, говоритъ Бельтовъ, историческое отрицаніе дѣйствительности является результатомъ ея собственнаго

развитія, то правомѣрнымъ можетъ быть признанъ только такой идеалъ, который опирается на это развитіе. Такой идеалъ не будетъ „оторванъ отъ географическихъ и историческихъ условій развитія“; о немъ нельзя сказать, что онъ „построенъ на воздухѣ“. Онъ только выражаетъ въ мысляхъ и образахъ результаты того процесса развитія, который уже совершается въ дѣйствительности. И онъ конкретенъ ровно настолько, насколько конкретна эта „развивающаяся дѣйствительность“ (стр. 207).

Читатель найдетъ такія же блестящія формулировки вопроса объ отношеніи свободы къ необходимости и роли личности въ исторіи (стр. 140—141, 474—477) и было бы, несомнѣнно, желательно, чтобы Бельтовъ далъ и точное опредѣленіе одного изъ основныхъ понятій матеріалистическаго пониманія исторіи,—понятія: „производительныя силы“. Что разумѣть подъ производительными силами: одни ли средства и орудія производства или включить сюда и классъ производителей, какъ это дѣлаетъ Марксъ въ „Нищетѣ философіи“? Мы полагаемъ, что съ точки зрѣнія политической экономіи въ понятіе производительныхъ силъ можетъ быть включенъ и рабочій классъ, но такое включеніе въ социологіи было бы неправильно. Въ процессѣ борьбы за существованіе, все общество въ цѣломъ (и рабочій классъ) борется съ природой, и степень „развитія“ (наличности) производительныхъ силъ есть показатель власти человѣка надъ покоренной природой. Подъ производительными силами мы подразумѣваемъ сумму элементовъ внѣшней природы, покоренной и приспособленной для удовлетворенія нуждъ общественнаго человѣка. Какъ относится къ этому Бельтовъ?

Недостаточно разработанною частью сборника является его спеціально-философская часть. Бельтовъ, вообще говоря, въ этомъ направленіи далъ немного, и философскія проблемы, за исключеніемъ проблемы о свободѣ и необходимости и діалектики не нашли себѣ мѣста ни въ „Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на природу“, ни въ „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“. Бельтовъ не воспользовался указаніями Энгельса и не разрабатывалъ основныхъ понятій матеріалистической гносеологіи, а насколько это важно, указываетъ тотъ же Энгельсъ, говоря, что „не нужно забывать, что *результаты*, которыми *обобщаются* *данныя* *человѣческаго опыта*—суть *понятія*, и что *искусство оперировать съ понятіями* не *врождено* и не дается обыденнымъ, повседневымъ сознаніемъ, но требуетъ дѣйствительнаго мышленія“ („Антидюрингъ“). Нельзя поэтому игнорировать теорію познанія, какъ науку, преслѣдующую такія важныя задачи, какъ изслѣдованіе возможности, пути и направленія совершенствованія человѣческаго знанія. Нужно только правильно отмѣтить ея постановку въ связи съ психофизиологіей и научнымъ изслѣдованіемъ, какъ процесса познаванія, такъ и человѣческаго познавательнаго аппарата (физиологія и анатомія мозга). Опираясь на это знаніе, теорія познанія облегчаетъ теоретическія построенія позитивныхъ наукъ и тѣмъ самымъ служитъ прогрессу человѣческаго знанія въ цѣломъ: она элиминируетъ (очищаетъ) понятія, указываетъ на негодность однихъ, метафизичность другихъ, учитъ „искусству оперировать съ понятіями“ и стремится къ тому, чтобы результаты нашего

опыта „обобщались“, обрабатывались и систематизировались не фикціями, лишенными всякаго смысла, а реальными, расчлененными и ясными опредѣленіями. Одной изъ центральныхъ проблемъ теоріи познанія является вопросъ объ отношеніи „духа“ къ „матеріи“—рѣшеніе котораго опредѣляетъ принадлежность мыслителя къ той или иной философской школѣ. Какое рѣшеніе получаетъ эта проблема у Бельтова? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны констатировать нѣкоторую въ этомъ противорѣчивость взглядовъ Бельтова. Такія статьи, какъ „Sant противъ Канта“, показываютъ, что иной разъ „отецъ“ русскаго марксизма сбивается на грубый матеріализмъ, полагая, что матеріализмъ Маркса и Энгельса требуетъ признанія за атомами извѣстной доли сознательности. Это не болѣе какъ фетишистика и если, съ этой позиціи, Бельтовъ попробуетъ критиковать Авенариуса и Маха,—то мы заранѣе предсказываемъ ему полное фіаско. Еще въ 1876 году Авенариусу была извѣстна эта попытка воскрешенія анимизма, и онъ подробно выяснилъ ея логическую несостоятельность (см. *Philosophie als Denken der Welt etc.*, Berlin 1903, zweite unveränderte Auflage, S. 49—70). Невѣрнымъ было бы и опредѣленіе психическаго, какъ „внутренняго состоянія вещества“, которое даетъ Бельтовъ (Сборникъ, стр. 283), комментируя Фейербаха. На это опредѣленіе можно лишь отвѣтить тѣми словами Гёте, которыя такъ часто повторялъ Авенариусъ:

Nichts ist innen, nichts ist aussen,
Was ist drinnen, das ist draussen“.

Мысль есть „внутреннее состояніе вещества“! Между физическимъ и психическимъ, фигурально говоря, такое же функциональное соотношеніе, какъ между *колебаніемъ струны* и *звукомъ*. Можно ли сказать, что звукъ есть „внутреннее состояніе“ колебанія струны или самой струны? Но на ряду съ некритическими опредѣленіями психическаго у Бельтова есть положенія, имѣющія глубоко-научную цѣнность. Такъ, говоря объ отношеніи физическаго къ психическому, Бельтовъ подчеркиваетъ, что „у насъ нѣтъ *рѣшительно* никакихъ основаній для того, чтобы отождествлять одинъ изъ этихъ феноменовъ съ другимъ или вообще такъ или иначе *сводитъ* ихъ одинъ къ другому напимѣръ, объявить матерію „инобытіемъ духа“, какъ это дѣлалъ Гегель, или духъ—инобытіемъ матеріи, какъ это дѣлаютъ матеріалисты, по мнѣнію Юркевича, Волинскаго и прочихълюбомудровъ (имя же имя легионъ), не знающихъ исторіи матеріализма. Но у насъ есть всѣ необходимыя и достаточныя основанія для того, чтобы признать существованіе *извѣстной* связи между указанными феноменами. *Опытъ* показываетъ, что психическія явленія вызываються извѣстными физико-химическими (физиологическими) явленіями въ нервной ткани. „Въ наши дни повторяетъ Бельтовъ Гексли, никто изъ знакомыхъ съ дѣломъ и знающихъ факты не усомнится въ томъ, что *основы* психологін заключаются въ физиологін нервной системы“ (стр. 137, ст. о Волинскомъ). Столь же рѣзко отмеживается Бельтовъ и отъ матеріалистовъ въ родѣ Фогта и Молешотта. „Эти матеріалисты говорили, что мысль есть движеніе. Но согласиться съ этимъ, значитъ объявить

ошибочнымъ законъ сохраненія силы, т.-е., другими словами, это значитъ отказаться отъ всякой мысли о научномъ объясненіи природы“ (стр. 283). Подъ закономъ сохраненія силы нужно, очевидно, понимать законъ сохраненія энергии и отказаться отъ этого закона значило бы, дѣйствительно отказаться отъ естественно-научнаго объясненія природы и построенія научной философіи. Но признать этотъ законъ и признать, что психическое не можетъ быть выведено или отождествлено съ физическимъ—это значитъ стать на точку зрѣнія современнаго *критическаго материализма* (эмпириокритицизма) Авенариуса — ученика Спинозы, который своей теоріей витальныхъ рядовъ показалъ, что *зависимый рядъ* (психическій) не можетъ быть отождествленъ съ элементами *независимаго* ряда (физиологическаго), но имѣетъ ихъ своимъ *условіемъ* и, являясь ихъ *символомъ* и *выраженіемъ*, стоитъ съ ними въ *неразрывной закономѣрной* связи. Это говоритъ и Спиноза, и это повторяетъ за Спинозой Бельтовъ, говоря, что „первый изъ этихъ атрибутовъ (психическое) обнаруживается лишь благодаря второму“ (стр. 138). А если такъ, то въ чемъ же тогда заключается „ревізіонизмъ“ нѣкоторыхъ „учениковъ“ (я не говорю о Богдановѣ, философскихъ взглядовъ котораго я не раздѣляю), стремящихся обосновать материалистическое міросозерцаніе на теоріи познанія Авенариуса и Маха? Мало сказать, что „иное дѣло марксизмъ, а иное дѣло махизмъ“. Психофизиологическая теорія Авенариуса не подкапывается подъ принципы историческаго материализма, она, наоборотъ, утверждаетъ эти принципы на самыхъ научныхъ, антиметафизическихъ основахъ, что мы и надѣемся показать въ отдѣльной посвященной этому вопросу статьѣ.

Николай Валентиновъ.

О. фонъ-Цвидинекъ Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы, въ особенности изслѣдованіе вопроса объ установленіи *minimum'a* заработной платы. Переводъ съ нѣмецкаго Б. Авилова. Изданіе С. Скимунта. 514 стр. Ц. 2 р.

Авторъ книги является защитникомъ „авторитарной“ политики заработной платы, понимая подъ таковой установленіе *minimum'a* платы путемъ государственнаго и муниципальнаго регулированія отношеній найма. Вполнѣ естественно, что вопросъ о минимальномъ предѣлѣ платы нужно поставить въ связи съ опредѣленіями этого *minimum'a* коллективными соглашеніями между рабочими и предпринимателями, свободой коалицій и организацій профессиональныхъ союзовъ. Зюденгорстъ это и дѣлаетъ, но во всѣхъ его разсужденіяхъ столько нѣмецкаго филистерства, что объ объективности, а слѣдовательно, и научности изслѣдованія, не можетъ быть и рѣчи. Въмѣсто выясненія классовыхъ нуждъ, стремленія и развитія отношеній между рабочими и работодателями—Зюденгорстъ предпочитаетъ „замазывать“ вопросъ постоянными апелляциями къ справедливости и къ какому-то общечеловѣческому идеалу. Что съ этой точки зрѣнія не рѣшаются вопросы заработной платы, видно хотя бы изъ того, что „идеаль справедливости по самой своей природѣ, какъ и всякое представленіе, сильно окрашенное чувствами, имѣетъ всегда слишкомъ сильный отпечатокъ *индивидуальныхъ* воззрѣній, такъ что